

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© ЭО, 2004 г., № 2

В.В. Карлов

ЗАМЕТКИ НА “МОСТУ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ”, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЭТНОСА КАК ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

“Мост между прошлым и будущим” – это настоящее. Но реальная жизнедеятельность в человеческом обществе течет под непосредственным влиянием того, как общество осознает свое бытие – такова природа бытия человека как вида. В свою очередь, осознание текущей действительности невозможно без осмысления прошлого и проективных воззрений на будущее (хотя бы как ближайшей цели нашей жизни), на чем бы ни основывались те и другие, на точном ли знании, преданиях, мифах, научных анализах и расчетах, либо на иррациональных гаданиях и приметах. На самом деле в жизни любого социума (государства, общественного класса или группы, этноса) имеет место сочетание того и другого, третьего, четвертого и пятого, и многого иного, что вместе составляет причудливый и противоречивый феномен – историческое сознание. И политики, т.е. люди, не занимающиеся наукой историей, а только использующие ее в своих профессиональных целях, очень хорошо знают, что любое практическое политическое действие, ориентированное на изменение существующего положения в обществе, принципиально невозможно без воздействия на массовое историческое сознание (или, в противном случае, оно бывает обречено на провал).

Метафорическая характеристика исторического сознания как “духовного моста, переброшенного через пропасть времен, ведущего человека из прошлого в будущее”, принадлежит перу выдающегося советского теоретика и методолога истории М.А. Барга. “Переход через пропасть времен” человечество совершает с момента возникновения, и столько же люди, общество осознанно наводят мосты через эту пропасть, стараясь понять и оценить путь предков и по возможности заглянуть в будущее, чтобы скорректировать свои действия и оказаться в результате именно там, куда желали попасть. Правда, каждый из нас, как и тысячи поколений предков, пройдя свою часть пути, в конце концов неизменно оказывается в одном и том же месте – в прошлом, в истории. Но важно, что на самом пути каждый момент общество использует лоцию исторического сознания, рассчитывая предохранить себя от губительных и губительных шагов. В истории было уже немало случаев, когда неверное использование данной лоции вело тот или иной социум к катастрофе, но, тем не менее, лоция исторического сознания как способ движения неизменно передается всякому новому поколению. История как наука и историки как специалисты изучают ход, особенности и осуществившиеся итоги этого пути. Но кто изучает важнейший инструмент самого движения – историческое сознание?

Последние публикации М.А. Барга, обратившегося в 1980-е годы к этой важнейшей теме, хотя и посвящены в основном проблеме исследования истории исторической науки и становления историзма в европейской научной традиции, а не собственно феномену исторического сознания как таковому, стали не только первыми, но до сих пор почти единственными в отечественной науке¹. Однако исследователь, прежде чем приступить к упомянутому важному, но все же частному сюжету, точно и емко определил главную функцию исторического сознания как важнейшего элемента

и качественной характеристики человеческой культуры. Это – ориентация общества во времени и пространстве, основанная на долговременной (“экзистенциальной”) информации, аккумулирующей все три временные проекции социума (его генезис – “родовое” прошлое, его “видовое” настоящее – миропонимание, представление об окружающем мире и своем месте в нем, и его историческое будущее – целеполагание)². С некоторым удивлением историк указал на отсутствие работ и даже осознанного интереса к феномену исторического сознания в отечественной науке, тогда как в Западной Европе эта тема давно привлекает внимание ученых и имеет уже солидную исследовательскую основу³.

Отсутствие работ в области изучения исторического сознания общества в нашей науке действительно нуждается в объяснении, ибо если обратиться к работам историков, то их привлекали в основном аспекты, связанные с историей профессиональной исторической науки, ее развитием или с анализом и критикой письменных источников, свидетельствующих о событиях минувшего, хотя некоторые из этих источников и характеризуют представления обществ ушедших эпох о мире, времени и себе, т.е. отчасти и их историческое сознание. Но сама профессиональная история – лишь одна из форм рефлексии, составляющих историческое сознание общества только в совокупности и взаимодействии с другими формами рефлексии.

Отсюда следует, что исследовательский предмет истории как науки с необходимостью должен включать в себя также изучение исторического сознания разных народов и стран и в различные эпохи, с древности и до современности, что вытекает из специфики самого предмета. Именно об этом говорил М.А. Барг, подчеркивая “двойственность” объекта изучения истории: “каждое историческое явление должно рассматриваться как бы в двух планах: как факт исторического бытия и как факт общественного сознания. Этим обстоятельством обусловлена вся неповторимая – никакой другой области конкретного исследования не свойственная – познавательная задача историка: постоянного соотнесения в историческом процессе диалектики объективной (истории как естественноисторического процесса) и диалектики субъективной (истории как мира представлений о ней)”⁴.

Такое постоянное соотнесение двух ипостасей объекта – задача чрезвычайно трудная. Вторая из них, во-первых, сопряжена с большими сложностями, хорошо знакомыми “дотошным” источниковедам, во-вторых, всегда связана с известным дискурсом двух автономных единиц – познающего исследователя и исследуемого времени и общества, миропонимание которых, как правило, отлично друг от друга. Из этого сразу вытекает проблема проникновения познающего субъекта в глубины и основания менталитета изучаемого общества, чем последнее время не без успеха занимается герменевтика, опираясь на достаточно сложные методы, не всегда или не часто бравшиеся на вооружение историками. Но это обстоятельство далеко не полностью может объяснить отсутствие работ в области изучения исторического сознания в нашей науке.

Таких причин, по-видимому, несколько. Кроме отмеченной трудности изучения исторического сознания, особенно в отдаленные эпохи, всестороннее исследование которых нередко сопряжено с неполнотой, фрагментарностью источников, можно назвать определенную методологическую особенность отечественной исторической науки минувшего века, связанную с позитивистской и марксистской парадигмами историзма (по крайней мере, в варианте, господствовавшем в нашей историографии): отношение к предмету истории как естественно-историческому движению общества, имеющему свои закономерности и в целом автономному от субъективных представлений и желаний людей, во всяком случае определяемому не ими, а развитием производительных сил. Именно на изучении закономерностей и особенностей данной объективной стороны процесса истории концентрировались исследовательские усилия ученых. При этом история духовной стороны жизни общества, воззрений, миропонимания, верований, культуры в широком смысле, несомненно, всегда была в фокусе исследовательских интересов, однако эти сферы исторической действи-

тельности все же в основном рассматривались также как продукт объективного хода истории, формируемый ее общими законами, или как явление вторичное по отношению к производственно-экономической стороне бытия и жестко детерминированное последней.

Собственно говоря, до сих пор нет серьезных оснований подвергать эти подходы позитивистско-марксистской традиции историографии кардинальному пересмотру и объявлять их заблуждениями или ошибкой; эта традиция имеет серьезные достижения и вполне жива, демонстрируя свою востребованность и адекватность ставящимся задачам объективного изучения исторического процесса. Тем не менее, едва ли будет преувеличением считать, что взаимосвязь объективного течения истории и субъективных человеческих представлений о нем в широком смысле (исторического сознания) если не игнорировалась вообще, то во всяком случае, очевидно, недооценивалась и в конкретных исследованиях внимание этому практически почти не уделялось. Таким образом, важная и весьма существенная сторона действительности, непосредственно относящаяся к динамике исторического развития с его механизмами и пружинами, изучалась довольно односторонне, хотя роль изменений исторического сознания в данном процессе, вероятно, не менее важна, чем развитие производительных сил и производственных отношений.

К этому следует добавить еще одну важную особенность нашей историографии, вытекающую из культивировавшегося в марксистской науке классового подхода. В последнее время он подвергся суровой критике, иногда справедливой, иногда нет. В самом классовом подходе к истории, представляется, нет “родового” порока методологии (ибо трудно ответить утвердительно на вопрос, существует ли в научной истории подход бесклассовый или внеклассовый), порочен не классовый подход как таковой, а абсолютизация его, ведущая к некоторой односторонности. В области изучения общественного сознания, во всяком случае, этот подход оборачивался предпочтительным вниманием к сознанию общественных классов (и преимущественно либо угнетенных, либо угнетателей) в ущерб изучению сознания иных больших социальных групп и слоев и в особенности целостному воссозданию состояния исторического сознания общества какой-либо эпохи в его разнообразных проявлениях, в том числе массовых представлений.

Следует назвать и еще одну причину “невостребованности” исследований исторического сознания, связанную с неполной, ограниченной актуальностью темы для советского общества и, напротив, ее востребованностью в XX в. в науке западноевропейской. Дело не столько в том, что добросовестно проведенное исследование массового исторического сознания могло бы быть не вполне приемлемым для власти предрешающих, ибо скорее всего продемонстрировало бы разницу между оценками, официально принятыми или приписывавшимися официальными идеологами всему социуму как целому (а последние, как известно, любили ссылаться на “единодушное мнение” советских людей), сколько в том, что знание вариаций массового исторического сознания общества было для тоталитарной власти и ее идеологов не столь уж необходимо. Практической ценности оно не представляло, ибо, как справедливо отметил современный исследователь массового сознания, тоталитарные общества отличаются от обществ либеральной демократии и тем, в частности, что не нуждаются в манипулировании сознанием: они ставят и декларируют свои цели открыто и явно и несогласных с ними подчиняют как убеждением в их, целей, правильности и адекватности, так и принуждением, также достаточно открыто и откровенно⁵. Господство же методами манипулирования сознанием – способ доминирования, свойственный режимам современного либерализма, и это понято и оценено европейскими мыслителями уже давно и очень отчетливо. А массовое историческое сознание не что иное, как важнейший объект этого манипулирования, особенности его функционирования необходимо знать как манипулятору, так и несогласной с манипулированием и его задачами части общества.

Вот как, например, оценивал работу СМИ в довоенной Европе О. Шпенглер: «...Пресса и связанные с ней электрослужбы новостей держат бодрствование целых народов и континентов под оглушающим ураганным огнем фраз, лозунгов, воззрений, чувств день за днем, год за годом, так что всякое “я” делается чистой функцией колоссального духовного “ничто”». “Пресса сегодня – это армия, тщательно организованная по родам войск с журналистами – офицерами и читателями – солдатами. Однако здесь то же, что и во всякой армии: солдат слепо повинуетя и цели войны и план операции меняются без его ведома. Читатель не знает да и не должен ничего знать о том, что с ним продельывают, и он не должен знать о том, какую роль при этом играет. Более чудовищной сатиры на свободу мысли нельзя себе представить. Некогда запрещалось иметь смелость мыслить самостоятельно, теперь это разрешено, однако способность к тому утрачена. Всяк желает думать лишь то, что должен думать и воспринимает это как свою свободу”⁶.

В процитированном отрывке речь идет об очевидном насилии над сознанием масс, в первую очередь, в сфере текущей политики, в аспекте воздействия на массы в “нужном” направлении. Но все мы являемся свидетелями того, какую большую роль играет в манипулировании обществом историческая составляющая – воздействие на историческое сознание масс, формирование в нем именно тех оценок событий и персонажей истории, именно таких трактовок, какие выгодны и нужны правящим политикам и идеологам прежде всего сегодня, в данный момент. Далеко не случайно массивная “артподготовка” “перестройки” была начата с активнейшего раскрашивания нужным цветом так называемых белых пятен отечественной истории (к слову, при полнейшем пренебрежении, по-видимому, совершенно осознанном, к колориту всего исторического полотна).

Переход от общества тоталитарного типа (или общества традиционалистского) к обществу либеральной демократии⁷, совершаемый на наших глазах, начался и сопровождается сменой способа управления массой – от силового подчинения к манипулированию сознанием, иллюстрируя тем самым глубокую мысль известного немецкого исследователя литературной формы рефлексии и ее соотношения с исторической действительностью Р. Веймана: «Дистанция между понятиями “писать историю” и “делать историю” сейчас значительно меньше, нежели в XIX и начале XX века, во времена научного позитивизма. Понять методологически значимо эту взаимосвязь можно, лишь познав ее как взаимосвязь исторического мышления с исторической деятельностью»⁸.

В сущности в реальной действительности взаимосвязь исторического мышления с исторической деятельностью неразрывна, вторая невозможна без первого, хотя это не всегда и не полностью осознается, в том числе учеными-историками. Профессиональными же идеологами данная операциональная связь понимается вполне адекватно, но для объекта манипулирования – общества – ее истинное значение всячески камуфлируется.

Таким образом, поскольку наше общество переходит в новое качество, а именно управляется посредством манипулирования сознанием, в том числе историческим, задача познания данного феномена для отечественной науки становится более чем актуальной и имеет не только академический интерес. Впрочем, выяснение природы, структуры, механизмов его функционирования не всегда и не во всем может быть интересно для практиков (идеологов и политиков), потому что отработать приемы и методы использования исторического сознания в своих целях они, как показывает жизнь, способны опытным путем без всестороннего представления об объекте. В данном отношении практики руководствуются и довольствуются ответом на вопрос “как это действует?”; “онтологический” же вопрос “что это такое и какова его сущность?” их не занимает. Последнее, вероятно, важнее для общества в целом, в том числе и для практики, в целях не столько сиюминутных, сколько долгосрочных, в частности для выработки более эффективных средств противодействия манипуляторам, привития иммунитета против манипуляции: без этого едва ли

будет возможна грамотная постановка адекватных состоянию общества задач на ближайшую и дальнюю перспективу, а тем более отработка адекватных путей и методов их решения. Именно здесь социально ориентационная функция исторического сознания особенно важна и не заменима ничем иным. А изучение изменений исторического сознания, следовательно, особенно важно в переходные исторические эпохи. Отсутствие не только навыков изучения массового исторического сознания общества, но и более или менее сформированного представления об этом феномене в нашем знании об обществе и его функционировании было одной из причин того трудно поддающегося рациональному объяснению факта, что относительно социально гомогенное советское общество стало легкой добычей искусных манипуляторов, в том числе после интенсивной бомбардировки снарядами “белых пятен истории”.

С изменением принципов управления общественными процессами совершенно закономерно начал возрастать интерес к проблемам изучения исторического сознания общества и в нашей историографии. Появилось достаточно большое число публикаций, посвященных историческому сознанию вообще и его современному состоянию, авторами которых в основном выступали историки и философы, занимавшиеся проблемами феномена общественного сознания⁹. Однако анализ этих публикаций (всесторонний обзор которых не входит в задачи автора статьи) убеждает в том, что, несмотря на ряд высказанных в них интересных и оригинальных мнений, идей и наблюдений, пока все еще отсутствует отчетливое понимание самого феномена исторического сознания во всех его многообразных проявлениях, не поставлены в полной мере вопросы о его природе, структуре, составляющих компонентах и их взаимодействии друг с другом, недостаточно осмыслены проблемы структуры массового исторического сознания современного общества и его основных групп. Можно даже констатировать, что не все из высказанных еще М.А. Баргом соображений о природе феномена пока полностью осознаны научным сообществом, и, следовательно, не всегда корректно поставлены исследовательские задачи.

Последнее замечание связано прежде всего с высказываниями о природе исторического сознания общества, в которых феномен понимается почти исключительно в качестве некоей совокупности представлений о прошлом. Многие авторы, пишущие об историческом сознании, ограничиваются “достаточно обоснованным в науке его толкованием как совокупности всех существующих форм и видов чувственного и рационального сознания, в которых общество и индивид осознают, оценивают и переживают свое прошлое”¹⁰. При таком подходе, очевидно, недооценивается активная роль в формировании исторического сознания “триединства” прошлого, настоящего и будущего. Более близко к адекватному пониманию феномена исторического сознания мнение, в котором роль даже собственно исторической науки, формирующей самосознание общества, отнюдь не сводится только к пониманию и оценке прошлого: история, “будучи формой социального самопознания общества, формирует отношение общества к прошлому, делая это под могущественным влиянием импульсов, идущих от современности. Эти импульсы и являются той доминантой, которая определяет как общее отношение к прошлому, так и оценки его важнейших событий и персонажей”¹¹. Из этого отрывка, по крайней мере, следует, что история – отнюдь не единственная форма знаний и представлений общества о своем прошлом, что она находится под сильнейшим прессингом “импульсов современности”. Следовательно, необходимо отчетливое и по возможности полное понимание феномена исторического сознания и механизмов его функционирования.

Однако, к сожалению, понимание исторического сознания в работах отечественных авторов остается довольно расплывчатым, четких определений этого феномена пока нет. Изложенная в начале статьи его трактовка М.А. Баргом (лоция, помогающая обществу ориентироваться во времени и пространстве) остается пока наиболее универсальной. Тем не менее, исходя из целей и задач данной статьи, следует попытаться более развернуто определить, хотя бы предварительно, что именно надо по-

нимать под историческим сознанием современного этноса, из каких компонентов оно состоит, какова его природа и характер функционирования (или: как этническое сообщество пользуется лоцией, определяющей движение во времени и пространстве)¹². И начать здесь приходится с приблизительного описания данного феномена: отсутствие полных и развернутых исследований этого предмета не позволяет иного.

Под историческим сознанием, в данном случае применительно к народу-этносу, понимаются сведения и представления, бытующие в среде людей, относящих себя к какому-либо конкретному сообществу-этносу, разделяемые и принятые значительной частью составляющих его индивидов-современников, или имеющие среди них относительно широкое распространение в виде устоявшихся мнений по вопросам происхождения, исторического пути и исторической судьбы народа, его современного состояния как определенного итога этого пути, его положения и места в мире, а также перспектив развития – продолжения его истории на будущее. Основой таких мнений и представлений обычно служит историческая память народа¹³. А она есть величина изменчивая и переменная: как известно, одни события оставляют в памяти народа глубочайший и неизгладимый след, информация о них передается из поколения в поколение устным путем, о других же память держится лишь некоторое время, после чего бледнеет и стирается, поддерживаясь благодаря отражению в письменной традиции (литературе) или трудами профессиональных историков. Третьи события и вовсе могут пройти относительно незамеченными, не запечатленными в сформировавшихся, сложившихся образах в народном сознании (хотя это может совсем не означать, что событие не было важным, не оказало влияния на историческую судьбу этноса).

Из предложенного пространного описания феномена исторического сознания вытекают серьезные методологические сложности, затрудняющие даже само его определение, не говоря об анализе. Например, очевидно, что в структуре исторического сознания уже по той причине, что оно основывается на исторической памяти народа, равнозначными и равновеликими оказываются далеко не все события, явления и процессы, случившиеся в истории за период становления и конкретной жизнедеятельности этноса, а главным образом те из них, которые отпечатались в исторической памяти и в той или иной степени актуализированы в сознании людей, создавая устойчивые представления об исторической судьбе этноса, его состоянии в настоящем и его перспективах. Но значит ли это, что события и явления истории, которые не актуализированы или даже плохо и мало известны этнической массе в данный момент истории, являясь только предметом профессионального знания и исследования специалистов, вообще не относятся к сфере исторического сознания? Вероятно, не значит: любое событие, явление, персонаж национальной истории могут быть извлечены из анналов исторического знания и актуализированы в массовом сознании, в частности специализированными механизмами воздействия на массу политиков, идеологов и СМИ, примеров чего в новейшей истории России мы знаем немало. Отсюда ряд вопросов, лежащих на поверхности: соотношение актуализированных и латентных форм исторического знания и исторического сознания; каналы формирования исторического знания и сознание общества; структура и взаимодействие различных форм исторической рефлексии в народном сознании и в жизнедеятельности современного общества; объем, содержание и качество исторического знания и исторического сознания. Последний вопрос сопряжен с другим не менее важным и сложным: соотношение специализированных форм исторической рефлексии и исторического знания с массовым сознанием.

Широко известно высказывание Э. Ренана, метафорически определившего нацию как постоянный, не прекращающийся плебисцит. Это афористичная, но глубокая и точная характеристика, ибо национальная, или этническая, общность невозможна как явление без постоянно текущего процесса самоосознания и самоосмысления, рефлексии, оценок и переоценок, в которых историческое прошлое, настоящее и будущее тесно переплетены в едином, хотя и весьма аморфном и расплывчатом “агре-

гатном состоянии”]. И именно историческое сознание народа, общества и является одновременно полем и инструментом, механизмом осуществления такого постоянного плебисцита¹⁴. А если это плебисцит, то в нем соперничают обычно альтернативные вопросы и оценки, что присуще в полной мере феномену исторического сознания: любой сложно структурированный социум (а большой современный этнос всегда сложно структурирован и иерархичен) располагает значительным спектром и разбросом оценок и мнений, включая противоположные и не совместимые друг с другом. Из этого спектра социум выбирает (или ему навязываются) те оценки и мнения, которые выглядят в глазах общества или самых политически активных его слоев наиболее адекватными переживаемому моменту.

Сложная и трудоемкая работа по такому отбору мнений и утверждению их в общественном сознании в качестве общепринятых или разделяемых значительной частью общества (хотя на практике очень часто – лишь политически господствующей прослойкой) есть сфера профессиональной деятельности большого числа специалистов – политиков, идеологов, политологов и тех, кто передает, транслирует отобранное в массы – журналистов, особенно работающих в электронных СМИ. (Последних поэтому часто называют “четвертой властью”); любят так именовать себя и сами представители СМИ, что неверно, так как все они суть различные по профилю и характеру работы представители власти первой и единственной, и если враждуют между собой или добиваются разных целей, то лишь демонстрируют отсутствие во властвующей группировке единства или борьбу за власть разных сил.)

Итак, если характеризовать историческое сознание с точки зрения состояния и распространенности мнений и представлений об историческом прошлом, настоящем и будущем народа, имеющих хождение в этнической массе и приобретающих ту или иную форму и конфигурацию в зависимости от переживаемого момента, то, когда речь идет о большом народе современного мира, мы всегда будем иметь дело с существованием огромного разброса таких мнений и представлений, среди которых много версий и оценок событий, явлений и исторических персонажей минувшего. При этом одни из них отпечатаны и запечатлены в народной памяти благодаря или силе воздействия на судьбу народа, или яркости самих событий и лиц, в них задействованных, или в результате целенаправленного влияния на историческое сознание профессионалов; другие же не столь рельефно отпечатались в массовом сознании и память о них поддерживается благодаря обязательным школьным курсам истории или эпизодическим упоминаниям в художественной литературе, кино или публицистике; третьи и вовсе не вызывают в массовом сознании никаких ассоциаций и известны только историкам-профессионалам. Если первая категория достопамятных (достойных памяти) явлений и фактов относительно стабильна (хотя этот набор тоже изменчив и даже способен меняться довольно быстро), то грань между второй и третьей более условна, а, кроме того, весьма подвержена воздействию конъюнктуры. Это связано, во-первых, с идеологической составляющей исторического сознания, во-вторых, с очень весомым для темы вопросом об источниках исторической информации в обществе и о роли в процессе формирования исторического сознания различных форм исторической рефлексии.

Последний вопрос важен потому, что, хотя историческая рефлексия всегда являлась логичной для ориентации социума во времени и пространстве, но в период бесписьменный, когда историческая память передавалась устным путем благодаря фольклорной традиции и/или мифологии, степень профессионализации воздействия на историческое сознание была невелика. Затем, до нового времени, трансляторами исторического знания и регуляторами сознания выступали в основном религиозная традиция и конфессиональная форма рефлексии. По мере секуляризации знания и сознания в Новое время возникли специально-профессиональные формы этнонациональной рефлексии, отвечавшие различным потребностям общества и выполнявшие разные специальные функции, составляя сферу исторического сознания народа уже только вместе, в совокупности, причем в сочетании и со стихийной, не специа-

лизированной, формой исторического сознания – народной памятью. Но роль в структуре исторического сознания этих разнообразных форм исторической рефлексии, как специализированных, так и не специализированных, не одинакова.

Проблема разных источников и каналов исторической информации в обществе затрагивается в работах современного французского историка М. Ферро¹⁵. Этот автор, посвятивший одну из своих известных книг тому, как преподают историю детям в разных странах мира, т.е. очень важному процессу – закладыванию основ формирования исторического сознания гражданина, сравнивает историческое знание с рекой, образуемой несколькими потоками: официальная история (то есть та трактовка истории, которая представлена в официальных учреждениях и системе образования), критика этой истории, или контристория, которая при определенных обстоятельствах может стать официальной историей, как, например, в бывших колониях, память поколений, увековеченная в разных формах (праздники, семейные предания и т.д.), эмпирическая история (данные демографии, статистики и т.д.), литература и искусство¹⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом перечне “ручейков”, питающих реку исторического знания, вообще отсутствует профессиональная наука история. Но если говорить о каналах информации, формирующих знание индивида об обществе, в котором он живет, то источники определены, по-видимому, верно.

Вместе с тем при более внимательном анализе формулы, предложенной М. Ферро, становится очевидным, что фактически речь здесь идет не об источниках исторического знания как такового, а о том, из чего и как складываются исторические представления общества. Знание как специализированная форма исторической рефлексии все же есть приоритет науки истории, для которой одним из основных источников служит “эмпирическая история”, т.е. документальная база. А вот “официальная” версия научного знания, так же, как версия “контристории”, – это уже иные разновидности даже не рефлексии, ибо они – готовый результат рефлектирующей деятельности профессионалов своего дела. Они могут быть ближе (во всяком случае очень часто бывают, что прекрасно показал Ферро в упомянутой книге) не к научной, а к идеологической форме национальной рефлексии. Таким образом, официальная история и “контристория” – это некий симбиоз научной и идеологической разновидностей рефлексии, или идеологизированная версия научной истории, главное назначение которой – не познание объективной истины, как у науки, а передача обществу сведений об истории, так или иначе коррелирующих с состоянием общества и отвечающих его самооценке (с точки зрения или власть предержащих, или борющейся за власть активной части общества). Литература же и кино представляют собой довольно строго специализированные в современном мире художественно-эстетические формы рефлексии, которые, как и наука, есть тоже формы не только отражения истории, но и познания истории, однако познания иными средствами, нежели наука. И только “память поколений” (на уровне семейных преданий) – единственный из перечисленных “потоков” исторического знания, относящийся к неспециализированным, “стихийным” формам исторической рефлексии.

Если вернуться к вопросу об источниках формирования массовых представлений общества о своей истории, то к названному М. Ферро списку можно и нужно добавить еще некоторые виды источников, из которых обычно черпается информация об истории. Они же обычно выполняют функции стереотипизации в массовом восприятии образов исторических персонажей или событий. Это могут быть и исторические жанры фольклора (былины, исторические песни, предания), и мифы, и сказки, и легенды, и анекдоты, наконец, просто “народная молва” – обывательские разговоры, которые выполняют очень существенную, но не познанную и не исследованную функцию трансмиссии в среде этнического сообщества самых разнообразных сведений, проистекающих из всех упомянутых источников.

В конечном счете историческое сознание, если прибегать к сравнениям, было бы более уместно представить даже не рекой (в отличие от исторического знания), а морем, питаемым множеством рек и ручейков и преобразующим полученную влагу

в некое новое и иное состояние. “Молва народная”, обывательские мнения – лишь один из способов такого преобразования, но далеко не единственный. Процесс кругооборота в среде этнического сообщества “ходячих” мнений и представлений сложен и не познан, хотя и управляем. Современные политические технологи, не затрудняя себя лишними усилиями для постижения природы данного феномена, смогли овладеть механизмами манипулирования общественным сознанием и даже воздействовать кардинальным образом на формирование “ходячих мнений” в нужном им направлении. Об этих технологиях сказано и написано достаточно много. Но о том, что одна из важных их составляющих приходится на трактовку истории, пишут не столь часто, хотя это, казалось бы, и очевидно.

Здесь в нашем изложении видения предмета – исторического сознания этноса – следует снова вернуться к проблеме специализации различных форм исторической рефлексии (в особенности этнонационального аспекта рефлексии) в период складывания народов индустриальной эпохи, а также к теме разделения функций разнообразных форм рефлексии в общественном сознании и тенденциям развития этих функций. Если историческое сознание обществ “дописьменной” стадии истории, выполняя те же задачи ориентации социума во времени и пространстве, что и в современных обществах, мало выделялось (или не выделялось вообще) из общей картины миропонимания¹⁷ и регулировалось мононормами, то с возникновением развитых религиозных доктрин, вплоть до нового периода истории, историческое сознание уже тесно зависело от религиозной картины мира. Из этого следует, что оценка исторического опыта (в разных конфессиях по-разному, но все же в целом типологически близко) стала подчиняться идеям божественного предопределения, а понятие о благом и дурном как в истории, так и в настоящем регулировалось страхом перед божьей карой и божьим судом.

Секуляризация сознания в новое время породила идеи регуляции социума при помощи разума и точного знания и опоры на рациональные, разумные законы. Соответственно, в механизме ориентации социума во времени и пространстве необходимыми инструментами должны были стать объективное знание истории (наука) и субъективная (субъективная с позиций “общественной пользы”, которые а) всегда субъективны, б) изменчивы и в) лишь иногда и только временно, в редких ситуациях, адекватны интересам всего общества в переживаемый им период) оценка событий, явлений и персонажей (мораль, понятие о добре и зле, должном и недолжном). Первоначально эти две стороны (наука и оценка) слабо разделялись, в работах первых профессиональных историков моральная оценка (разумеется, с точки зрения морали своего времени, а не описываемого) всегда присутствовала и занимала весьма важное место¹⁸. Однако профессионализация и специализация сфер общественного сознания по мере развития самого общественного организма неминуемо должна была привести к разделению и специализации деятельности, возникновению особых сфер общественного сознания со своими функциями, где наука сосредоточивается на познании объективной истины, мораль же приобретает черты социальной дифференцированности, и развивается острая потребность в политико-идеологическом регулировании, в том числе в понимании “правильного” и “неправильного” в состоянии общества и его историческом пути.

Это – очень существенный момент в развитии этнонациональной рефлексии и исторического сознания вообще, особенно в становлении гражданского общества и присущих ему механизмов регуляции. Как раз с последними связана специализация политической и идеологической форм исторической рефлексии. Политическая форма концентрируется на создании и утверждении законов, апеллирующих не только к разуму, но и к исторической традиции, избранным в историческом опыте прецедентам и образцам для подражания, идеологическая – на обосновании как существующих законов и положения вещей, так и в случае возникновения такой общественной потребности – на внедрении в сознание понимания необходимости их изменения. Исторический контекст, исторический опыт всегда служат при этом необходимым ма-

териалом для нужных, с точки зрения политика и идеолога, манипуляций над сознанием с помощью инструмента их воздействия на массу (СМИ), выстраивающих сознание в желаемом направлении. Но обе эти сферы исторической рефлексии не являются наукой историей, они, что бы ни говорили сами их носители об “исторической правде” (а они, как правило, всегда говорят об истинности фактов, которыми оперируют, и никогда – об их искусном, тщательном и продуманном отборе и препарировании), ориентированы не на познание объективной истины, а исключительно на целенаправленное воздействие на общество и его сознание в субъективно нужном носителям политической воли и выразителям идеологии направлении.

Одна из особенностей воздействия результатов разных форм рефлексии на общественное сознание, затрудняющих последнему возможность сопоставить различия между этими формами по их назначению и функциям, состоит в том, что носители этих разновидностей исторической рефлексии говорят как бы об одном и одном и тем же языком, оперируют одними и теми же фактами. При этом идеолог практически никогда не говорит о принадлежности к своей сфере деятельности, но очень любит ссылаться на науку или вообще выдавать себя за представителя “научного цеха”. Еще сложнее обывателю разобраться во всем этом бывает тогда, когда в роли идеолога выступает ученый-историк (а такие случаи в наше время нередки, ибо нужная идеология оплачивается значительно щедрее, чем бесполезная, а то и вовсе вредная научная истина). Но положение усугубляется еще и тем, что сами специалисты в области научной истории слишком мало внимания уделяют тому очевидному обстоятельству, что они как профессионалы вовсе не есть единственные представители исторической рефлексии и носители исторической информации, которая бытует в необычайно большом количестве разнообразнейших форм, проявлений и модификаций. Историки настолько привыкли к той мысли, что именно они – носители объективной исторической информации и истины, что относятся к представителям других видов рефлексии или с нескрываемым высокомерием, или же просто их не замечают, полагая, что историческое сознание общества адекватно состоянию исторического знания, что совсем не так. Поэтому многие историки с необыкновенной легкостью вступают в дискурс или дискутируют с носителями иных видов рефлексии, стараясь объяснить им их неправоту. Разумеется, обществу надо по возможности терпеливо объяснять все случаи исторических заблуждений или искажений, стремиться освобождать общественное сознание от напластований мифологии или ложных стереотипов. Однако при этом важно понимать, с какими иными вариантами исторической рефлексии историк имеет дело и какое место эти варианты занимают в массовом сознании, не забывая замечательно глубокого иронического замечания А.А. Зиновьева: доказав идеологу, что он не прав с точки зрения науки, вы лишь докажете, что идеология не есть наука.

Конечно, историк в своей работе и своих трактовках фактов объективно имеет немало точек соприкосновения и пересечения с работой идеолога, оперирующего историческими сведениями с целью воздействия на сознание, ведь одна из целей историка – тоже воздействовать на сознание общества. Но методически работа идеолога отличается от работы ученого-историка крайне просто (пусть это наблюдение и прозвучит несколько упрощенно): если ученый обязан анализировать всю совокупность источников об изучаемом объекте, которыми располагает, и уже на основе анализа делать по возможности беспристрастные и объективные выводы, то идеолог искусно подбирает под нужную идеологию и интерпретирует факты, по возможности максимально достоверные и трудно опровергаемые, с целью воздействия на общество в “правильном” направлении. При этом в материале, с которым работает грамотный и квалифицированный специалист-идеолог, научные факты, аргументы, выводы ученых, их мнения, цитаты из исторических сочинений, документы истории должны составлять основу, иначе работа не может достичь успеха. Главное в эффективной работе идеолога, имеющего дело с историческим материалом, – не грубая фальсификация (хотя она очень часто имеет место), а умелый подбор и ин-

терпретация материала, адекватный поставленным целям воздействия на общество и его сознание.

Таким образом, резкой и непреодолимой грани между сферами рефлектирующей деятельности идеолога и ученого в таких обстоятельствах нет и быть не может. Сами ученые часто и, по-видимому, нередко неосознанно, такую грань переступают. Ведь гражданскую позицию имеет каждый сознательный член социума, историк в том числе, и, излагая исторический материал, не каждый специалист эту грань видит и может “сохранить дистанцию”. Здесь критериями научного или гражданского подхода могут быть, пожалуй, только профессиональное умение и научная добросовестность. В сфере исторической рефлексии удержаться на беспристрастных позициях бывает особенно сложно, так как, согласно изложенному пониманию природы исторического сознания как ориентира движения социума во времени и пространстве, восприятие истории, имевших в ней место событий и фактов невозможно без оценки. Абсолютная беспристрастность хроники – скорее метафора, чем факт. Возможно только большее или меньшее приближение к истине, достигаемое средствами всестороннего научного анализа и корректными выводами из него, но интерпретация уже окрашивается социальным интересом.

Национальный же интерес (позиция восприятия национальной истории с точки зрения адекватности события или явления условиям и возможностям существования и перспективам развития национального или этнонационального сообщества) непременно должен присутствовать в работе не только идеолога, но и ученого как гражданина. Разница лишь в том, что ученый обязан руководствоваться субъективными (в смысле субъективности национальной) оценками, основанными на объективном анализе соотношения необходимого и вероятного в истории народа (объяснение, почему произошло так, как произошло, и не могло произойти иначе), и, если он делает это сознательно, отдавая себе в этом отчет, но оставаясь на необходимом и достаточном уровне профессионализма, такая позиция вполне достойна уважения, будучи честной как с профессиональной, так и с гражданской точек зрения. Идеолог же всегда целенаправленно воздействует на общество, заботясь о нужном со своей социальной позиции направлении, а не о воссоздании истинной научной картины, хотя выбранное направление воздействия и бывает адекватно (как правило, временно, в конкретной и преходящей ситуации) интересам большинства этноса или нации.

В работе ученого и в работе идеолога есть, таким образом, точки соприкосновения в подходе к историческому материалу. Оба пользуются аксиологическими критериями, но если первый должен соотносить критерии как изучаемого времени, так и своей эпохи в собственном анализе и интерпретации материала, то критерии второго всегда ориентированы на настоящее и ближайшую перспективу, интерпретации и оценки подчинены сиюминутному политическому интересу и выгоде. Когда идет речь об истинности интерпретации исторического материала, уместно вспомнить известное высказывание К. Маркса о том, что пролетариат – единственный класс, заинтересованный в полной и абсолютной правде, ибо ему нечего терять. Однако, если логически продолжить эту мысль, надо было бы добавить, что победивший “ставший всем” класс в результате также оказывается в позиции, когда ему и его идеологам есть что терять, соответственно, отношение к истине и у него должно стать пристрастным, классово ограниченным. В этом смысле идеологи и ученые в роли идеологов, прямо заявлявшие о собственной классовой позиции, поступали несравненно честнее многих современных пропагандистов, предпочитающих стыдливо умалчивать, чьи интересы они выражают, прикрываясь при этом “общечеловеческими ценностями” или гуманистическими идеалами.

Главное же, в ракурсе обсуждаемой темы, – различие в сфере деятельности ученого и представителя других форм исторической рефлексии заключается в способах, интенсивности и силе воздействия на массовое историческое сознание как гражданского общества, так и этноса. В приводившихся выше мыслях М. Ферро о “ручейках” исторического знания места профессиональной науке истории, как было

отмечено, не нашлось, и это далеко не случайно. По силе воздействия на историческое сознание общества наука не может идти ни в какое сравнение с такими источниками знаний об истории, как “официальная история” в виде школьного образования, как литература и кино, как публицистика (СМИ), и даже как семейные предания, т.е., за исключением последней формы рефлексии, с формами идеологическими или идеологизированными. Правда, строго говоря, к идеологической форме рефлексии нельзя безоговорочно причислять кино и литературу, как и изобразительное искусство, которые составляют особую, художественно-эстетическую, также профессионально специализированную форму рефлексии, одна из функций которой, как и у науки, – познание истины о мире и человеке, приближение к ней, только иными, чем у науки, художественными средствами. Сила воздействия на сознание как раз определяется здесь апелляцией не столько к разуму, сколько к чувствам человека. Однако доведение результатов таковой рефлексии создателя произведения – автора – до публики находится в значительно большей зависимости от идеологического отбора и контроля (издательские тиражи, трансляция, реклама в СМИ и т.д.), чем наука. По степени зависимости от транслятора художественно-эстетическая рефлексия сближается с идеологической. (Хотя хорошо известны и не нуждаются в перечислении многочисленные примеры откровенно идеологических, ориентированных не столько на поиск истины, сколько на “правильное” воздействие на публику художественных произведений – эту тему мы оставляем в стороне.)

Изложенные здесь рассуждения касаются пока разных форм исторической рефлексии, специализации их функций в общественном сознании. Однако за скобками остается важнейший вопрос о том, как именно они сочетаются и взаимодействуют в структуре исторического сознания, что происходит в результате, как, на основе каких критериев социум отбирает и поддерживает в актуализированном состоянии какую-то часть достопамятных событий истории, почему другие, тоже важные, иногда ничуть не менее весомые события, хранящиеся в анналах памяти в латентной форме, могут перейти в актуализированную; наконец, третьи события или явления становятся достоянием общественного сознания в качестве неких артефактов, препарированные и преподнесенные публике специализированными формами исторической рефлексии.

События, имевшие место в нашей стране в последние 10–15 лет, дают богатую пищу для размышлений на эти темы, как бы наглядно иллюстрируя истинность изречения из древнего китайского трактата “И Цзин”: “Нет ничего труднее, но и поучительнее, чем жить в эпоху перемен”. Для наблюдений за метаморфозами исторического сознания общества, в самом деле, трудно придумать более благодатные времена, так же, как для массы современников, – более трудные. Здесь и почти полная смена “знаков” на противоположные в трактовках “официальной истории” – ее можно сопоставить лишь с периодом превращения “контристорий” в “официальную историю” при освобождении колоний из-под власти метрополий, с той лишь разницей, что это сравнение “с точностью до наоборот”, ибо в идеологическом плане победитель в “холодной войне” явно и очевидно навязывает побежденному свои (в нашем случае – западнические) трактовки русской и советской истории, и тут, по результатам, поражение в войне “холодной” ничем не отличается от поражения в войне “горячей”¹⁹.

Здесь и мощнейшее целенаправленное идеологическое давление на историческое сознание общества через СМИ, призванное сломать и изменить сложившиеся в обществе исторические и историко-культурные стереотипы и образы, внедрить понятия и ценности иные, более удобные властям и снижающие сопротивление “реформам сверху”²⁰.

Здесь и попытки, в желании получить нужный результат, вовсе сломать стержни исторического знания и восприятия прошлого, что лежит уже за гранью здравого смысла (“фоменковщина”).

Здесь и целенаправленное, очень последовательное стремление вытеснить из теле- и радиоэфира, свести к минимуму тиражи всех изданий, где хоть как-то отражена иная, национальная (и далеко не всегда при этом националистическая) точка зрения на отечественную и мировую историю с позиций русского и российского общества и его перспектив.

Здесь и попытка подвести законодательную базу под возможность подавления и блокирования социального и национального инакомыслия – характерный пример политической формы национальной рефлексии! – пресловутый закон об экстремизме. И многое другое, в частности, тот же тщательный и целенаправленный отбор кино- и литературных продуктов исторической рефлексии для массового тиражирования.

Казалось бы, с учетом силы воздействия активнейших идеологических (или идеологизированных) форм исторической рефлексии, а также интенсивности их воздействия на массу, достигнутой участием в их тиражировании ведущих СМИ, можно было бы предполагать, что историческое сознание русского и российского общества должно кардинально измениться. Многие признаки убеждают, однако, в том, что это не так или не совсем так. Механизмы функционирования исторического сознания нам по-прежнему не ясны, туманны, не познаны. Если продолжить сравнения, мы имеем дело с неким кибернетическим “черным ящиком”: мы знаем, какая информация и из каких источников поступает “на входе”, мы можем попытаться зафиксировать информацию “на выходе” (в виде опросов, фиксирующих мнения о тех или иных событиях истории). Но нам неведомо, что происходит внутри, как видоизменяется исходная информация, по каким критериям происходит отбор более актуальных версий (в глазах большинства), в результате чего стереотипные мнения приобретают несколько иные оттенки и конфигурации.

Да, господство навязанных обществу через СМИ стереотипов как будто очевидно. И все же, несмотря на это, массовые представления – отнюдь не их зеркальное отображение, а в целом ряде случаев или далеки от них, или на равных с ними сосуществуют оценки противоположного рода. Нечто подобное происходит в наше время даже с таким персонажем недавней истории, которому был создан пропагандой одиознейший оттенок, как И.В. Сталин. Образ, насаждаемый и культивируемый либеральными идеологами, конечно, укрепился в сознании масс. И тем не менее народное его восприятие остается несколько иным²¹. С этим вынуждены считаться даже нынешние власти: можно констатировать, что в последнее время упоминания имени Сталина на официальном уровне далеко не всегда звучат в негативном смысле.

То же можно сказать о совсем недавнем эпизоде обращения власти к государственным и национальным чувствам населения в известном обещании “сортирочения”, столь поспособствовавшем в нужный электоральный момент, и, можно сказать, способствующем поддержанию искомого имиджа по сей день, даже несмотря на конкретные дела власти, скорее противоположные таковой риторике.

Вообще же с оценочной стороной восприятия исторических персонажей, как показывают имеющиеся материалы на эту тему, с течением исторического времени могут происходить поразительные метаморфозы. Вот, в частности, современные оценки двух деятелей отечественной истории, которые в данный момент диаметрально противоположны. Имеется в виду самый высокий “положительный рейтинг” оценки личности и деятельности Петра I среди всех деятелей русской истории нашими современниками, и, напротив, самый высокий “отрицательный рейтинг” в оценке личности и деятельности И.В. Сталина²². Между тем как по своим целям (ускоренная модернизация), так и по методам (насилие, принуждение и пренебрежение жертвами и потерями) оба персонажа занимают в российской истории приблизительно одинаковые позиции. Также хорошо известно, что среди большинства современников Петра I его личность и образ действий тоже не встречали одобрения. Более того, в массовом сознании за Петром надолго закрепилось прозвище “антихриста”, что же касается жертв, то, если соотносить их долю во всем населении страны, Петр яв-

но превосходит Сталина. А три столетия спустя Петр оценивается потомками как самый выдающийся и оказавший самое благоприятное влияние на судьбы страны и народа деятель. Вполне резонно предположить, что с ослаблением памяти о жертвах сталинской политики (свидетелей которой среди нас еще довольно много) восприятие Сталина среди наших потомков таким же образом может измениться довольно существенно. Ведь одним из результатов этой политики, как бы ни оценивать ее моральными критериями, стало достижение страной такого геополитического положения в мире, какого она не имела и, вероятно, уже никогда не будет иметь: понимание этого факта начинает ощущаться уже сейчас.

Это лишь небольшие примеры, число которых можно умножить, но наша цель здесь – лишь проиллюстрировать отсутствие тождества между господствующей идеологической оценкой или стереотипом и образами массового сознания, так же, как показать изменчивость образов массового сознания во времени. То и другое характеризует проблему исследования массового исторического сознания во всех его вариациях и модификациях как важную и актуальную научную задачу.

Большинство из поставленных и затронутых в статье вопросов, к сожалению, остаются до сих пор риторическими, так как практика и методики изучения массового исторического сознания и гражданского общества, а также этнического сообщества почти полностью отсутствуют: нет ни попыток описать феномен как объект изучения, ни надежных опытов фиксации, своего рода “замеров” состояния исторического сознания²³. Распространенная практика социологических опросов общественного мнения, конечно, важна и нужна, но все эти опросы касаются по большей части текущей политики и оценок политических фигур современности. Задачи же целостного изучения исторического сознания предполагают их “встроенность” в полихронный (трехмерный: прошлое – настоящее – проекция на будущее) контекст.

Между тем проблема всесторонней фиксации и полномасштабного научного исследования массового исторического сознания для этнологии актуальна, быть может, больше, чем для других отраслей исторической науки (она является, по нашему мнению, комплексной проблемой исторического знания), хотя бы уже потому, что отражение в сознании относящих себя к какому-либо этносу людей их исторического бытия и связанная с этим рефлексия есть важный системообразующий элемент в самом процессе формирования и жизни этноса: без самоосознания этносом своего бытия, своего исторического пути и места в мире невозможно выделение этноса среди прочих общностей и его консолидация в общность.

Эти положения как будто очевидны. Однако очевидность практической и научной значимости исторического сознания и самосознания в жизни любого этноса почему-то мало отражены в практике этнологических исследований. Этнология как специальная отрасль знания о народах изучает в первую очередь обстоятельства, черты и формы проявления этносов и этнических культур, включая процессы их становления (этногенез и этническую историю) как объективную историческую реальность. При этом этнологи, хорошо зная о том, что самосознание есть одна из важнейших черт изучаемых ими объектов, в основном все же как бы оставляют “за скобками” именно эту составляющую объекта изучения, как нечто само собой разумеющееся и не нуждающееся в специальном исследовании. Работ, в которых бы обращалось внимание не только на изучение объективных явлений материальной и духовной культуры или верований народа, но и на имеющийся у него при этом собственный образ или на сопоставление этого образа с восприятием иноэтничных соседей, до сих пор недостаточно, хотя исследования авто- и гетеростереотипов давно и прочно вошли в арсенал этнологических и этносоциологических исследований. Однако фиксация стереотипного восприятия своего и чужих этносов и анализ такого материала – несомненно, важная составляющая изучения исторического сознания, хотя сам феномен исторического сознания все же значительно сложнее и к этому не сводится. Стереотипный образ своего народа – только один из результатов национальной рефлексии. Для создания целостного адекватного представления о

феномене исторического сознания необходимо также понятие и о самом процессе этнической рефлексии, о разных ее формах и о степени их воздействия на массовое сознание. Все это предполагает фиксацию и изучение форм и проявлений исторического сознания, отражения в массовом сознании событий этнической истории (исторической памяти, ее глубины и отчетливости), разных каналов и путей воздействия на исторические представления общества, степени их взаимодействия друг с другом, их весомости в структуре массового сознания, меры воздействия на него. Работами такого рода ни отечественная, ни мировая наука пока, к сожалению, почти не располагают.

Ситуация в этнологии стала несколько меняться только в последние десятилетия, когда имеющий место в современном мире “всплеск этничности” и очевидное обострение межнациональной напряженности и этнических конфликтов побудили научный мир к поискам объяснения данной метаморфозы. Развитие событий в сфере национальных отношений вызвало особый интерес ученых к исследованиям национализма в его разнообразных проявлениях. Была опубликована целая серия исследований на эти темы, в которых с различных позиций делаются попытки постичь природу национализма, так же, как его конкретные формы и виды в разных странах²⁴. Постепенно в науке о народах исследования такой формы национальной рефлексии, как национализм, стали выдвигаться в разряд приоритетных направлений.

Нисколько не умаляя ценности и необходимости исследований разновидностей и типов национализма, широко развернувшихся в отечественной и зарубежной науке последних десятилетий, следует все же заметить, что если такие работы вести в некотором отрыве от широкого этнокультурного контекста вообще и от изучения других проявлений этноисторической рефлексии в частности, трудно воссоздать объективную и адекватную картину состояния исторического сознания у народов индустриальной и постиндустриальной эпох. А без адекватного целостного понятия о феномене этноисторического сознания, о его природе и характере полноценное историческое знание об этнокультурных и этнополитических процессах современности, в том числе о месте в них влияния национальной и националистической идеологии, о тенденциях развития этносов, едва ли достижимо.

Некоторая однообразиеность изучения национализма привела к становлению такого направления в мировой науке, как конструктивизм. Несомненно, следует высоко оценить вклад представителей этого направления в изучение феномена национализма и его конкретных вариаций в идеологии и политике. Интерес к идеологической доктрине национализма, этой важной составляющей этнонациональной рефлексии практически у всех без исключения народов индустриального общества оправдан не только политической актуальностью, а порой и очевидной опасностью для стабильности в мире данной формы рефлексии, но и тем объективным фактом, что становление и развитие этносов вообще не мыслимо без рефлексии, следовательно, необходимо изучение всех ее видов. Однако конструктивизм в своих крайних проявлениях абсолютизирует эту сторону этнонациональной действительности²⁵. Подробный анализ позиций конструктивизма в подходе к этническим процессам современности не входит в задачи статьи²⁶. Вместе с тем обсуждаемая тема требует определения позиции по отношению к идеологической составляющей среди разновидностей национальной рефлексии: по мнению автора, именно недооценка феномена этноисторического сознания во всей его сложности и многоликих проявлениях и приводит, в конечном счете, к некоторой однобокости конструктивистских построений.

Строго говоря, исследование таких форм рефлексии, как национализм, так же, как других идеологических доктрин, не есть приоритетная сфера науки этнологии (скорее это может относиться к предмету антропологии в западном, расширительном, понимании предметной области этой дисциплины). Здесь совместное поле деятельности политологии вообще и этнополитологии в частности. Так же и иные специально-профессиональные формы исторической рефлексии (историческая наука, кино, литература, политика) должны изучаться и изучаются не этнологами, а исто-

риографами, кино- и литературоведами, политологами. Это не значит, что этнологу здесь делать нечего – этнолог может и должен все это изучать, но с позиций своего предмета и своего профессионального интереса. Но есть сфера изучения исторического сознания общества, где у этнолога несомненный приоритет и где его не может заменить и подменить никакой другой специалист. Это – исследование массового этноисторического сознания, т.е. укоренившихся и имеющих распространение в этнической среде оценок и стереотипов в восприятии национальной истории. При этом изучаться эти представления могут и должны методами вполне традиционными и в исследовательском арсенале этнологии разработанными и давно применяющимися: тут и традиционная этнографическая информация-интервью, и этносоциологический инструментарий массового обследования (анкетный опрос, стандартизированное интервью), и этнопсихологические методики (тестирование и др.), т.е. приемы привычные, доступные и знакомые этнологам лучше, нежели многим другим специалистам²⁷.

Учитывая переживаемый как отечественной наукой, так и народом и отечеством в целом период истории, описываемый круг исследовательских задач и проблем представляется не только более чем актуальным, но, что не менее важно, вполне доступным для постановки и реализации этих задач специальными методами этнологии. Парадоксальность же переживаемого наукой момента состоит в том, что этнологи много и часто сетуют на исчерпанность поля в традиционном смысле и кризис сбора материалов традиционными методами науки, в то же время как бы гуляя по этому полю и не замечая или пиная ногами разбросанные по земле золотые россыпи.

Примечания

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; *Он же*. Историческое сознание как проблема историографии // *Вопр. истории*. 1982. № 12. Кроме историка М.А. Барга проблема исторического сознания рассматривалась философом и социологом Ю.А. Левадой (см.: *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969). Помимо этого были выступления на данную тему известного философа и культуролога А.В. Гулыги (*Гулыга А.В.* Историческое сознание // *Современные проблемы философии истории: Тез. докл. Тарту, 1979*) и статья В.П. Яковлева (*Яковлев В.П.* Историческая наука и историческое сознание // *Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки*. № 4. Ростов н/Д., 1978). В названных публикациях понимание исторического сознания сводится главным образом к функциям социальной памяти.

² Барг М.А. Эпохи и идеи. С. 5.

³ Библиография крупных западноевропейских публикаций по проблеме приведена М.А. Баргом (см.: *Эпохи и идеи*. С. 342).

⁴ Барг М.А. Категория “развитие” в исторических исследованиях (опыт системного анализа) // *История СССР*. 1986. № 1. С. 80.

⁵ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 32–56.

⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 490, 493.

⁷ В нашем случае было бы уместнее говорить о квазилиберальном обществе, правящие политики и идеологи которого старательно имитируют атрибуты либеральной демократии. Однако способ доминирования через манипуляцию сознанием взят на вооружение этой квазидемократией в полном объеме, что в данной ситуации важно для излагаемой темы.

⁸ Вейман Р. История литературы и мифология. М., 1975. С. 19.

⁹ Не претендуя на полноту и не преследуя цель дать исчерпывающий список публикаций на эти темы за последние 10–15 лет, приведу ряд работ, в которых в той или иной степени рассматривается проблема изучения исторического сознания: *Гертнер С.Л.* Некоторые аспекты обусловленности культурно-исторического сознания ценностными ориентациями // XXI век: духовно-нравственное и социальное здоровье человека: Матер. конф. 16–17 мая 2001 г. в Московском университете культуры и искусства. М., 2001; *Гуйван П.Н.* К характеристике исторического сознания в российском обществе // *Сознание и история*. Барнаул, 1993; *Ельчанинов В.А.* Методологические проблемы исторической науки: Учеб. пособие. Барнаул, 1990 (одна из глав посвящена историческому сознанию); *Ельчанинов В.А., Мельников А.Н.* О национальных особенностях исторического сознания (методологический анализ исследования национальных особенностей исторического сознания) // *Сознание и история*; *Иващенко Г.В., Науменко Т.В.* К вопросу об историческом сознании // *Credo*. Теоретический журнал (Оренбург). 2000. № 1; *Искрин В.И.* Новая психология. СПб., 2001 (историческому сознанию посвящена одна из глав); *Могильницкий Б.Г.* Историческое сознание и историческая наука // *Исторические воззрения как форма общественного сознания*. Ч. I. Сара-

тов, 1995; *Смоленский Н.И.* Историческое образование и историческая теория // Новая и новейшая история. 2000. № 5.

¹⁰ *Ельчанинов В.А., Мельников А.Н.* Указ. соч. С. 69.

¹¹ *Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 12.

¹² Вопрос о различии исторического сознания современного этноса и исторического сознания обществ, составляющих, например, страну (российское общество, советское общество), сложен уже по причине сложности самого феномена исторического сознания. Он, безусловно, требует особого рассмотрения. Понимая принципиальную важность данного вопроса для темы статьи, автор, однако, не считает возможным останавливаться здесь на данном сюжете во всех деталях, ограничиваясь “рабочим” пониманием этнического аспекта исторического сознания как отражения и осмысления событий как собственной, так и мировой истории в проекции на судьбы и самоощущение этнического сообщества (в отличие от гражданского общества, класса, социально-профессиональной группы и тому подобных больших социальных групп).

¹³ Б.Г. Могильницкий совершенно справедливо называет историческую память субстратом исторического сознания: речь идет о представлениях о прошлом, которые органически связаны с настоящим (*Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 12).

¹⁴ Здесь следует учитывать, что на практике в жизни сложно структурированного современного общества всегда проходят как бы несколько взаимопересекающихся плембисцитов (имея в виду оттенки общественного дискурса, несущие планетарную, общегосударственно-гражданскую, этническую, локальную, социально-профессиональную и иную окраску). Они, конечно, разнообразно и многообразно влияют друг на друга в ходе отбора и утверждения тех или иных устоявшихся и популярных мнений. Но из этого разнохарактерного моря мнений нам в данном случае важны именно те, которые отбираются этносом и входят в сферу этноисторического сознания.

¹⁵ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992; *Он же.* Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // *Метаморфозы Европы.* М., 1993.

¹⁶ *Ферро М.* Европоцентризм... С. 10–11.

¹⁷ Здесь имеется в виду недифференцированность текущей функциональной информации и долговременной экзистенциальной (исторической), характерная для архаических обществ. Отделенность одной от другой М.А. Барг называл признаком общества, достигшего стадии цивилизации (Эпохи и идеи. С. 5). В “дописменных” обществах единство текущей и долговременной информации выражено в том числе и способом регуляции социума посредством мононорматики.

¹⁸ Яркий пример такого “недифференцированного” состояния исторической рефлексии являет собой творчество Н.М. Карамзина как историка. Показательно, что уже в конце XIX в., критически оценивая исторические работы, В.О. Ключевский упрекал Карамзина в том, что исторические персонажи у него действуют подобно актерам на сцене, а он подобно зрителю и автору пьесы расставляет им оценки, тогда как задача научной истории, по мысли Ключевского, состоит не в том, чтобы расставлять морально-эстетические оценки прошлому, а чтобы объяснить, почему произошло как произошло, и не могло произойти иначе (*Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 133–137).

¹⁹ Не случайно после распада СССР в 1990-е годы на западе реанимировались (добавим – и стали активно насаждаться в России) самые идеологически радикальные и почти забытые чуть ранее советологические трактовки советского и русского вообще исторического пути как некоей патологии – трактовки, свободные от поисков адекватного объяснения, на что обращают внимание сами западные историки. См.: *Суни Р.* Социализм, постсоциализм и нормативная модерность: размышления об истории СССР // *Ab Imperio.* 2002. № 2.

²⁰ Выше уже упоминалось в данном контексте активное муссирование в СМИ так называемых белых пятен отечественной истории. О тревожных результатах для национального сознания общества огульно-го отрицания новейшей истории и “размазывания” “белых пятен” совершенно справедливо предупреждал Б.Г. Могильницкий, образно определив это как “реальную опасность слияния их в огромную черную дыру”. См.: *Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 15.

²¹ Примечательный пример такого неоднозначного и отличного от пропагандистских стереотипов восприятия образа Сталина продемонстрировал журналист А. Терехов, опубликовавший в газете “Правда” к 40-летней годовщине смерти “отца народов” очерк “Памяти Сталина” (“Правда”. 4 марта 1993 г.). Автор, молодой человек, выросший не в сталинское время и явно не приверженец коммунистических убеждений (его журналистская карьера начиналась в “Огоньке” при В. Коротиче), нисколько не пытаясь как-то приукрасить и обелить образ Сталина и не ставя подобной задачи, очень отчетливо показывает, что пропагандистско-идеологические штампы и народная память, народное восприятие – явления различные, равенства и совпадений в критериях оценок между ними не было и не может быть.

²² У автора есть возможность сослаться на результаты опроса, проведенного им в 1998–2000 гг. среди русского населения нескольких областей европейской части РФ (объем выборки около 1000 респондентов). Опросный лист включал вопросы об исторических деятелях, оказавших самое благоприятное и, напротив, самое негативное влияние на судьбу России и русского народа. Оценки Петра I и И.В. Сталина оказались диаметрально противоположными. В качестве положительного героя русской истории Петр I оказался лидером (51% ответивших). Сталин же первенствовал в списке “антигероев” (38% ответивших). Наши данные совпадают с результатами других подобных опросов 1990-х годов. См., напр.: *Гориков М.К. и др.* Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов // *Мир России.* 1996. № 2.

²³ Кроме упомянутого опроса, проведенного коллективом социологов и историков под руководством М.К. Горшкова, других таких опытов мало, или они посвящены более узким темам. См., напр.: *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. М., 1996.

²⁴ Обстоятельный обзор зарубежных исследований национализма см.: *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.

²⁵ Имеется в виду известный тезис Э. Геллнера: “не нация создает национализм, а национализм создает нацию”.

²⁶ Автор более подробно касался этого сюжета в одной из публикаций. См.: *Карлов В.В.* Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии. К проблеме самосознания науки // *Этнограф.* обозрение. 2000. № 4.

²⁷ В этнологических публикациях последних лет имеются интересные и полезные опыты применения и использования подобных методик, в частности на русском и российском материале, которые, несомненно, следует развивать. См., напр.: *Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999; *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора. М., 1998; *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001; *Сикевич З.В.* Указ. соч.; *Этническая психология и общество.* М., 1997; *Рыжова С.В.* Установки этнического самосознания русских // *Конфликтная этничность и этнические конфликты.* М., 1994; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998 и другие работы.

V.V. Karlov. Notes on the “Bridge between the Past and the Future”, or Ethnic Historical Consciousness as a Phenomenon and a Research Object

The author claims that the study and comprehensive description of public historical consciousness forms an essential part of ethnological research, though has not received much attention among ethnologists. Ethnic group members' reflection on their own group's history forms an integral part of ethnic consolidation. The study of self-images and images of ethnic others studied as auto- and hetero-stereotypes should be supplemented by the study of ethnic groups historical consciousness.